

РОССИЙСКИЙ ГОРОД: РЕАЛИИ XXI в.

Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми)

О.Л. ЛЕЙБОВИЧ, Н.В. ШУШКОВА

Статья пермских социологов основана на результатах качественных социологических исследований, проводимых авторами в течение 15 лет. Избранный метод исследования – фокусированное интервью. В статье обсуждаются следующие темы: пермский стиль власти, позиции основных социокультурных групп по отношению к региональным властным институтам, их представителям и социальной политике. На основании проведенных интервью можно сделать два основных вывода: политическая активность среди пермяков имеет сезонный, предвыборный характер; из участия в политике практически исключаются наиболее успешные в экономическом и социальном отношении группы горожан.

Ключевые слова: Пермский регион, стиль власти, политическая активность, клановые связи, методы избирательной кампании

Политический ландшафт России менее всего напоминает равнину. Отдельные регионы отличаются друг от друга конфигурацией политических сил, характером политической активности населения, идеологической окраской политического действия.

Наше поведение и наши переживания во многом определяются культурной средой, сложившейся там, где мы живем. Местные особенности проступают и в экономической, и в социальной, и в политической жизни. О взаимоотношениях человека и места пишет П. Вайль: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведают ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [Вайль 1999, с. 7].

Все эти слова справедливы и по отношению к Пермскому региону, обладающему несомненной культурной спецификой. На формирование пермского стиля власти повлиял тот факт, что на протяжении всего XIX в. Пермь являлась центром одноименной губернии. Современный пермский чиновник нуждается в большей легитимации, чем та, которую ему может дать избирательная система. Поэтому неизбежно возвращение к традиционной демонстрации весомости власти. Происходит это по-разному. Власти предержащие могут подчеркивать свою связь с советским прошлым – претенденты на губернаторское кресло или на депутатский мандат фотографируются вместе с бывшим секретарем обкома, символической фигурой прежнего режима. Однако значительно чаще проводятся параллели между современностью и периодом Российской империи. За спиной главы областной ад-

министрации выстраивается галерея его исторических предшественников. Каждый из пермских губернаторов выбирает для себя покровителя. Моделируются связки: Г.В. Игумнов¹ – К.Ф. Модерах², Ю.П. Трутнев³ – В.Н. Татищев⁴, О.А. Чиркунов⁵ – семейство Строгановых⁶. Все эти исторические фигуры, отобранные властью, знаковые. Модерах символизирует умеренность, цивилизованность, просвещенность. Татищев – энергию, целеустремленность, натиск. Строгановы – буржуазную предприимчивость, покровительство искусствам и глубокую религиозность. Первый олицетворяет век Екатерины. Второй – эпоху Петра. Третий – преемственность российской истории. Мы имеем дело с типичной культурной инсценировкой – люди власти ищут и находят в истории готовые культурные формы.

В течение последних полутора десятков лет авторы настоящей статьи имели возможность наблюдать происходящие в Перми политические процессы и их участников. С точки зрения социологов, наблюдать – значит собирать информацию, фиксировать наиболее значимые явления и интерпретировать их, а также выявлять основные тенденции и обнаруживать отклонения от них. В этом перечне не случайно пропущен глагол «считать». Построение диаграмм и графиков – задача статистики, имеющей дело с фиксированными показателями – датой рождения, местом жительства, семейным положением и т. д. Однако делать далеко идущие выводы лишь на основе такого рода данных в настоящий момент невозможно. Новому постсоветскому обществу далеко до определенности: оно аморфно, амбивалентно, текуче. Действующий в таком пространстве горожанин не уверен в устойчивости своего социального положения. На нестабильность посетовал и один из наших информантов: *«Хочется, чтоб немножко надежней... завтрашнее было»* [Интервью 1]⁷.

Но дело не только в этом – даже текущая ситуация в жизни современных пермяков плохо поддается описанию с использованием традиционных характеристик. Порвались связи между образованием и доходом, между квалификацией и карьерным ростом, между экономическими достижениями и социальным признанием. Вот как оценивает экономически успешного предпринимателя немолодая женщина, проживающая в отдаленном районе города: *«Душа-то у него за границей... ездит все время туда. Строят себе “Пятерочки” эти, с которых они дань собирают. Они очень хорошо живут»* [Интервью 13].

Американский социолог Ч. Миллс утверждал: «В результате различий в доходах люди, принадлежащие к низшим и средним классам, бесспорно, отличаются друг от друга по своим взглядам на жизнь, материальным условиям жизни и жизненному опыту...» [Миллс 1959, с. 60]. Однако те выводы, которые были сделаны на примере Чикаго, неприменимы к отечественным реалиям. Пермяки, занимающие одну и ту же социальную позицию, зачастую совершенно по-разному смотрят на мир.

¹ Геннадий Вячеславович Игумнов – губернатор Пермской области в 1996–2000 гг.

² Карл Федорович Модерах – пермский губернатор в 1796–1811 гг.

³ Юрий Петрович Трутнев – мэр Перми в 1996–2000 годах, губернатор Пермской области в 2000–2004 гг.

⁴ Василий Никитич Татищев – в литературной традиции считается основателем Перми.

⁵ Олег Анатольевич Чиркунов – губернатор Пермского края с конца 2005 г. по настоящее время.

⁶ Строгановы владели пермскими землями с XVI в.

⁷ Данные об информантах см. в конце статьи.

Взгляды современных людей могут существенно различаться, даже если они принадлежат к одному и тому же поколению; в настоящий момент нельзя сказать, что те или иные поступки свойственны только представителям какой-то одной возрастной группы: молодой человек может быть проникнут духом социального попечительства, в то время как его отец полагает, что надеяться надо только на самого себя, а бабушка участвует в сомнительных коммерческих предприятиях.

Когда путаются все социальные характеристики, упрощается и система ориентиров: по ощущениям пермяков, жителей города можно строго поделить на бедных и богатых. В такой ситуации числовые замеры мало что дают для понимания происходящего. Если в прежние годы мы пытались установить связь между социально-демографической принадлежностью горожанина, его избирательным поведением и его политическими оценками, то в последние годы от так называемых количественных типов исследований мы перешли к исследованиям качественным (такие методы исследований еще называют мягкими). В нашем случае материалом для анализа стали долгие беседы, в ходе которых информант имеет возможность не только сообщить конкретные факты, но и выразить свою аргументированную точку зрения. Поэтому, за редким исключением, место статистических подсчетов в нашем рассказе займет прямая речь пермяков.

На основании проведенных интервью можно сделать два основных вывода: политическая активность среди пермяков носит сезонный, предвыборный характер; из участия в политике практически исключаются наиболее успешные в экономическом и социальном отношении группы горожан.

Поясним, что имеется в виду.

В хороших старых книжках, изданных в Америке и Европе полвека назад, убедительно доказывается: местная политика – удел богатых и образованных. Изучая проблемы городской демократии, западные социологи выявили устойчивую зависимость между статусными позициями горожан и степенью их участия в коммунальном самоуправлении. Наибольшую активность демонстрировали представители бизнес-групп, в то время как менее обеспеченные слои населения, в том числе рабочие, держались от властных позиций в стороне [Dahl 1966, p. 216, 283, 341].

В Перми все по-другому: *«Сейчас все брошены на то, чтобы выжить и заработать деньги, и особо вникать в политические баталии людям совсем не хочется. Большинству... просто не до этого... у нас вся страна в кредитах...»* [Интервью 9]. Это высказывание принадлежит зрелому, экономически активному человеку, обладающему четкой позицией по социальным вопросам. Как правило, люди, профессионально занятые предпринимательской деятельностью, эту точку зрения разделяют. В бизнес-среде считается дурным тоном участвовать в избирательных кампаниях, следить за политическими новостями и даже иметь какие-то политические взгляды и убеждения. Об этом свидетельствуют слова еще одного предпринимателя: *«У меня... коллеги тоже аполитичные, еще более, чем я. Я хотя бы интересуюсь... и, пожалуй, обсуждать-то я могу буквально с двумя человеками на работе. Один – это директор фирмы нашей, а другой – директор дочерней формы»* [Интервью 20].

Впрочем, подобная аполитичность не мешает некоторым бизнесменам дорожить своими партикулярными отношениями с властью. Один из них объяснил нам, что связи стоит использовать только в личных целях, не в общественных:

«Обивание порогов – этим занимаются только те, кому очень необходимо получить... какие-то личные выгоды... Я тоже буду ходить, если это мне будет нужно... А поднимать общеизвестные вопросы, которые никто не решает, – это бессмысленно...» [Интервью 17].

Предприниматели неохотно исполняют роль не только избираемых, но и избирателей. В так называемых элитных домах голосуют всего от 10 до 15% семей. Для сравнения: жители «хрущевок» в выборах участвуют в 3, а то и в 4 раза активнее. Объясняется это, как правило, тем, что люди бизнеса зарабатывают деньги и им некогда отвлекаться на «политические игры». Еще один классический аргумент: «политика – дело грязное»: *«Существуют определенные крупные финансовые группы, которые ведут политику по своим правилам с помощью всяких политтехнологий и технологов... на это мы не влияем» [Интервью 21].*

Однако причины политической пассивности предпринимателей можно увидеть и в другом. Социальная роль избирателя для пермских бизнесменов непрестижна да и бессмысленна. Голос предпринимателя имеет тот же вес, что и голос домохозяйки или наемного работника, а потому представляется не таким уж ценным. *«Может быть, и необходимо политическое влияние, – говорит еще один пермский бизнесмен, – но, понимаете, мы ведь ничем не отличаемся от обычных избирателей» [Интервью 22].* Психологию типичного предпринимателя очень точно описал бывший министр финансов Борис Федоров: *«Почему голос потерявшего человеческий образ алкоголика “весит” столько же, сколько голос профессора, почему туеядец имеет такое же влияние на государство, как человек, построивший свой дом или свой бизнес...» [Федоров 2002, с. 293].*

Политическая индифферентность пермских бизнесменов не является, однако, препятствием к тому, чтобы люди этого круга занимали ключевые позиции в представительных органах городского и регионального управления. *«В политике предприниматели представлены достаточно слабо. Хотя года два назад многие пошли в областную администрацию работать. У меня знакомые туда уходили... Попытались они построить... Ну, как-то особо это не отразилось, что они туда пошли» [Интервью 23].*

Демократические процедуры зачастую становятся лишь декоративным прикрытием для интеграции во власть людей бизнеса и достижения ими собственных целей. В политике, как и в экономике, оказывается, крайне сильны клановые, семейно-родственные и дружеские связи.

Неудивительно, что и у рядового избирателя выборы вызывают недоверие: *«Выборы вообще считаются институтом демократическим, но тут... точно не выборы. Ну, во-первых, власть очень волнует пресса... Я не уверен, что там пишут не заказные вещи... Независимая, а что значит независимая – слово хорошее, красивое, но кто там от чего насколько не зависит, не знаю. Все мы от чего-то зависим. От денег, от чего-то еще... Митинги, демонстрации, на мой взгляд... тоже кем-то там заказаны» [Интервью 19].*

Значительная часть пермских предпринимателей находятся вне политической игры. Свои проблемы они пытаются решать, используя личные связи во власти. Те предприниматели, которые все же проявляют политическую активность, не рассчитывают на поддержку людей своего круга. Возможно, это связано еще и с разобщенностью в бизнес-среде: *«Сообщества я не вижу у нас, потому что в Перми*

в принципе слаб местный бизнес. У нас же много принадлежит Москве: тот же “Лукойл”, заводы машиностроительные... В отличие от Свердловска, нет такого сильного регионального бизнеса...» [Интервью 23].

Чтобы победить на выборах, предприниматель зачастую играет на красном поле. Кумачовый цвет агитационных плакатов записного либерала, маскирующегося под коммуниста, – явление столь же распространенное, как и апелляция к советским уравнильным ценностям, которую из года в год активно используют представители пермского делового мира.

Рассмотрим избирательную стратегию СПС в Перми на выборах депутатов Государственной думы РФ 4-го созыва в 2003 г. Партийные шефы правых принадлежали к влиятельным бизнес-структурам, их можно считать типичными представителями крупного капитала. Они не стеснялись своих денег. Лидер региональной организации, который по совместительству был вице-губернатором, публично называл себя человеком состоятельным; например, он подчеркивал, что не пользуется служебной машиной: «Все заместители ездят на “Волгах”, а я на джипе. И шоферу плачу зарплату из собственного кармана» [Иванов 2004]. О своем достатке региональные лидеры СПС упоминали и в агитационных слоганах. Руководитель городской организации партии и одновременно генеральный директор инвестиционной компании заявил: «Я знаю, как победить бедность!» Очевидно, что имелся в виду прежде всего личный опыт кандидата.

Агитаторы СПС пошли в бедные кварталы города. Чтобы достичь успеха, организаторам кампании пришлось свернуть либеральные лозунги и использовать чуждую для себя риторику. В агитационной брошюре, выполненной в лубочном стиле, СПС расшифровывался как «честной Союз Православных Сил», призванный «...избавить землю Русскую да от ига того деспотичного, лихоимства, да тяжких податей, защитить мужичков всех работничков». Последние строчки стилизованного сказа прямо отсылали к персонажу фильма «Брат-2»: «Не в деньгах больших сила кроется. Сила кроется в правде-матушке. Не хвалитесь, вороги, золотой казной, не владеть вам Русью, не хозяйничать» [Богатырь... 2003].

Тогда партия собрала в регионе 8,67% голосов. В областном центре за нее проголосовали 13,76% избирателей, пришедших на участки. За кандидатов, выставленных партией, в Перми свои голоса отдали от 17 до 20% горожан из числа проголосовавших [ЦИК РФ]. На выборах в Законодательное собрание Пермского края 2006 г. эта же партия добилась успеха под лозунгами справедливого раздела «общественного пирога». Между тем поход за политическими дивидендами под чужим флагом – свидетельство социальной неукорененности новых общественно-политических группировок.

Многие предприниматели отказываются участвовать в такой политической игре. И не они одни. Согласно данным региональных избирательных кампаний, проведенных в 1995–2006 гг., доля не пришедших на выборы в Перми и области колебалась от 50 до 74 % [Там же].

В голосовании не участвовали представители самых разных социальных групп: промышленные рабочие и топ-менеджеры, учителя и рыночные торговцы, профессора и студенты, преуспевающие бизнесмены средней руки и новые бедные. Среди них есть люди разных поколений, но все-таки преобладает молодежь. Политический абсентеизм имеет массовый характер. Равнодушное отношение

к политической жизни присуще не только низшим слоям общества, но и влиятельным, преуспевающим, образованным гражданам. Более того, чаще всего выборы бойкотируют представители так называемых интеллигентных профессий. Отказ от выборов, как правило, не является для них демонстративным. Непосредственно перед голосованием 75–80% таких людей заявляют о своем намерении прийти на избирательные участки, но не приходят.

Причины подобного поведения избирателей могут быть разными.

Многие утратили доверие к депутатам и обвиняют их в неспособности что-либо сделать: *«В чем депутаты успешны? Знаете, мне кажется, что, кроме того, чтобы выслушать каких-нибудь старушек с их проблемами, они ничего больше не могут»* [Интервью 10].

Других раздражают технология и содержание избирательных кампаний: *«Это все такие популистские вещи. Это все такое разовое. Я, честно говоря, за свою жизнь много чего прожил... Не обольщаюсь. Я на эти обещания просто не обращаю внимания»* [Интервью 11].

В рамках избирательных кампаний не обсуждаются проблемы, требующие участия квалифицированных специалистов, – об этом говорят образованные горожане: *«Установка власти такая. Они считают, что они сами видят проблемы и способны сами найти пути их решения»* [Интервью 18].

Агитация ведется на языке, доступном людям с неполным средним образованием; при этом активно используются методы коммерческой рекламы. Это особенно не нравится интеллигенции: *«Зачем нас заманивать конфеткой?.. Это нечистоплотность. Это для простых людей, нормальных, откровенно. Это рассчитано, мягко говоря, на дебилов, которые клюнут на их конфеты»* [Интервью 13].

Предвыборные выступления пермских политиков рассчитаны прежде всего на пожилых людей и нередко апеллируют к советскому мифу. Это не случайно. Наиболее активный участник городских избирательных кампаний в Перми – это человек преклонного возраста, пенсионер с неполным средним образованием; в прошлом – заводской рабочий средней квалификации или служащий невысокого ранга, житель города в первом поколении⁸.

«Выборы даже полезны. Потому что если... купить билет на какой-то концерт, это уже по карману бьет. А здесь нам бесплатно покажут, даже эти русские танцы спляшут. Нам это нравится. Хор русский споеет. И девчонки молодые, фигуристки, нам тут показывают фигуры. Нам нравится. Мне нравится. И особенно, когда дети выступают, у меня даже слеза выйдет» [Интервью 7], – так сформулировала свое отношение к избирательной кампании пожилая женщина, в уже далеком прошлом работавшая на заводе им. Ленина. Для нее выборы – это праздник, одно из проявлений карнавальной культуры.

Сходные аргументы приводятся и в других интервью. Вот слова еще одной пенсионерки: *«Бабули да дедули так вот со скуки помирают, а тут, если что, хоть выйти можно, время провести, пообщаться, вопросы свои задать, проблемами поделиться!»* [Интервью 5]. Такая организация выборов встречает одобрение

⁸ Этот тезис подтверждается результатами социологических исследований, проведенных в Перми в 1999–2006 гг. в рамках проекта «Избиратель Прикамья».

и у людей среднего возраста, которые называют себя «совершенно аполитичными» и в голосовании не участвуют: *«Ну вот бабушка у меня соседка, так ее постоянно куда-то привлекают. Она такая активная и на выборы... предвыборные кампании ходит. Там песни поет, пляски танцует. Чаепития»* [Интервью 16].

Существуют, правда, и совсем иные типы мотивации, назовем их традиционными.

Прежде всего выборы расцениваются как общественный долг, который надо исполнять. Такого рода объяснения встречаются во многих интервью: *«по старой привычке», «так положено испокон веков», «всю жизнь все ходят, значит, так надо, и мы ходим».*

Еще более серьезным аргументом для участия в избирательной кампании становится надежда на кандидата. Об этом говорят прежде всего люди старшего поколения: *«Бедным он помогал, школам тут у нас деньги давал на ремонт, да Бог его знает, что еще. Он-то депутат неплохой был. Толковый, грамотный...»* [Интервью 5], – хвалит пожилая избирательница бывшего депутата – крупного предпринимателя в сфере строительного бизнеса.

Или: *«Депутат наш... был очень человечный. К нему запишешься, всегда примет, поговорит. В общем, нормально»* [Интервью 12]. В этом коротком высказывании обнаруживается еще одно важное требование к народному избраннику – он должен быть близким к своим избирателям, принимать в них непосредственное участие. Однако общение это не на равных: *«Он очень хорошо относится к людям. Он разговаривает и видно, что он высокий человек, в том смысле, что он может с простым человеком душевно поговорить. Простая речь. Все объяснит, если что спросишь»* [Интервью 8]. Желание простых людей стать ближе к власти имущим свидетельствует о существовании дистанции, хорошо осознаваемой за пределами избирательной кампании. Депутат – выходец из иных социальных кругов, «высокий человек», способный, однако, преодолеть свой общественный эгоизм, спуститься на две-три ступеньки вниз и поговорить на другом языке на житейские темы, а иногда и помочь.

В сознании людей возникает образ чудотворца, готового пожертвовать своим состоянием на благо народа. Этот образ восходит к самым примитивным формам советской героической мифологии [Кимерлинг 2001]. Если доверие завоевано, то политику приписывают добрые поступки, которые он не совершал и не мог совершить. Даже коммерческая деятельность расценивается как социально значимая. Вот забавный случай, происшедший на последних выборах в городскую Думу. Один из кандидатов, выступавший в роли рубахи-парня, поместил рекламу на ручках-держателях в автобусах. Спустя некоторое время избиратели расценивали этот поступок следующим образом: *«Это хороший человек. Он нам ручки сделал, чтобы в автобусах было удобней держаться. А то не все до потолка достают. Спасибо ему!»* [Интервью 6]. В соответствии с нашей культурной традицией, достоинство политического деятеля измеряется в кубометрах проложенных дорог, протяженности возведенных мостов и квадратных метрах построенного жилья: *«целые районы построили, прямо удивляешься», «он заботился, вон сколько домов построил; он мне нравился», «ну вот мост открыли, тоже очень хорошо; дороги... какую-то трассу вот построили...».*

Во многих интервью мы находим общность оценок, побуждающую к поиску первоисточника. Кажется, что образ достойного политика кроится по готовым лекалам. Собственно, так оно и есть. Те же слова и выражения использовались, когда речь шла о Ю.П. Трутневе, бывшем «отце города», нынешнем министре природных ресурсов Российской Федерации. Почитаем выдержки из интервью пермяков 2000 г., когда Трутнев баллотировался на должность губернатора. Мы видим бурю положительных эмоций, разбуженных этим политиком: «он любит людей», «я его люблю, он много сделал», «он имеет народную поддержку», «город проголосует за него». В Трутневе ценят человека дела, великого строителя: «он сделал дороги», «пусть что-то сделает в области, нужна новая струя», «Трутнев сделал столько, сколько никто не сможет». Ему приписывают сверхчеловеческие черты: «ему нет равных, самая яркая фигура», «поднял город из руин за четыре года», «он обязательно победит, если не вмешаются потусторонние силы». Он незаменим: «можно объединить должности мэра и губернатора», «лучше мэра не надо», «пусть Трутнев сам выберет преемника». Пылкость чувств иногда пытались аргументировать. Получалось не слишком убедительно: «молодой, динамичный – это важно», «за ним будущее».

Образ Трутнева – это образ исполина, отца, в котором так нуждаются слабые и растерянные дети. Инфантильное поведение демонстрируют прежде всего люди старшего возраста. Разобщенные, имеющие большие сложности с социальной самоидентификацией, они наделяют того или иного политика – в нашем случае мэра – харизматическими свойствами, приписывают ему магические возможности. Им кажется, что преданность мэру, исполнение его указаний, просто вербальная поддержка и одобрение обеспечат мистическое приобщение к доброй и справедливой силе, способной совершить то, что требуется людям, но без их участия. Руководитель города представляется главой большой семьи, членам которой безразлично, какие позиции он занимает в другом, несемейном мире. И Трутнев, и множество других депутатов пришли в политику из бизнеса, т. е. из той сферы деятельности, которую не одобряют люди старшего поколения. Предпринимателей они называют частниками, спекулянтами, богатыми: «У нас... очень большое расслоение на богатых и бедных. Вот они, те, кто наверху, и оценивают по жизни богатых! Упустили ниточку, вот эту тонкую связь, и все! Теперь помощи от них ждать и не стоит» [Интервью 3]. Но любимый политик – это совсем другое дело: в глазах публики он свободен от любых социальных характеристик. Повторимся: он отец, и этим все сказано.

Надежда на всесильного справедливого человека свойственна более всего тем людям, которые оказались потерянными в новом мире. Среди них и пожилые, и молодые, вырванные из привычных социальных сетей, лишенные привычной опеки: пожизненной занятости, заранее оплаченных государством медицинских и образовательных услуг и проч. Тяга к патернализму – явление широко распространенное: «Такое ощущение складывается, что вот ребенок родился, до полутора лет еще какое-то внимание со стороны государства, общества есть, а потом просто о тебе забывают до восемнадцати лет, пока государство не скажет: а где ты у меня там... призывник, налогоплательщик?» [Интервью 2]

У патернализма есть и обратная сторона. Надежда на другого парализует собственную общественную активность. Нам могут возразить, что в Перми силь-

но местное самоуправление, его основными органами являются так называемые ОТОСы⁹, которые финансируются районной администрацией, а в некоторых случаях – лично депутатами. Однако у этих учреждений не хватает реальных полномочий для того, чтобы на деле представлять интересы горожан. Зачастую деятельность ОТОСов сводится к отчетно-выборным собраниям. Многие пермяки даже не знают, для чего существуют эти ОТОСы; в своих взаимоотношениях с властями они обходятся собственными силами. Часто не слишком успешно. Вот только один пример: *«Наша МУ “Жилищная служба” нам врет. Мы, конечно, попробуем сейчас выйти на депутата с одним вопросом, но я боюсь, что это не очень эффективно. Просто года три назад мы работали с депутатом, как-то это было неэффективно. А сейчас мы забыли туда дорогу, не обращаемся»* [Интервью 14]. Дополнительный импульс деятельности ОТОСам дают протестные акции, всегда преследующие локальные цели: запретить постройку торгового комплекса, отстоять право пользования лесными угодьями... Эти акции, тянущиеся месяцами, не пользуются широкой общественной поддержкой и, как правило, малоэффективны. Нам представляется, что еще рано говорить о формировании новых городских движений по западноевропейскому образцу, которые бы создавались инициативными группами для защиты коллективных интересов граждан. А пока пермские «оппозиционеры» прибегают все к тем же привычным методам, обращаясь к «хорошему» депутату против «плохих» властей.

В целом же управление городом осуществляется с помощью административно-бюрократических методов. Полноценная система местного самоуправления в нем так и не сложилась. В Перми по-прежнему отсутствует коммунальная политика в полном смысле этого слова: здесь нет ни регулярного согласования интересов между группами горожан и властями, ни выдвижения общественных инициатив, обсуждаемых или даже принимаемых городской властью, ни общегородских дискуссий по ключевым проблемам развития.

Перед публикой разыгрывается бесконечная «мыльная опера» с нехитрым сюжетом: добрые дяди, неотличимые друг от друга лицом, стáтью и языком, наперебой совершают тысячу добрых дел для бабушек и внучат. Они строят детские площадки, устанавливают «лежачих полицейских», развешивают светофоры и дорожные знаки, раздают градусники, вручают грамоты и подарки, устраивают вечера отдыха, показывают бесплатное кино. Патерналистская риторика ставит дополнительные барьеры для участия в политической жизни социально активных групп населения – пермские политики сами выбирают себе электорат.

Те, кто в этот электорат не попадают, отворачиваются от такого политического зрелища, о чем свидетельствуют и слова некоторых респондентов: *«Власть заинтересована разовую помощь оказать перед выборами. А уж как их выберут, они в кресло сядут и, мне кажется, больше и не делают ничего...»* [Интервью 4]. Или: *«Как только депутат приходит во власть, он сразу же начинает толкать свой бизнес. И пользуется депутатством только для этого. И все. А народ так. У него электорат кто? Пенсионеры. Вот им дал там по банке чего-нибудь. Или продал тут гнилых овощей»* [Интервью 11]. Или: *«С тех пор как наши выборы превращены в профанацию, мне неинтересно знать о тех, кто баллотируется. Отмена*

⁹ ОТОС – орган территориального общественного самоуправления.

порога явки – это отрицательный момент, выборы просто сворачиваются и все. Они перестают иметь значение» [Интервью 14]. При анализе этих ответов следует говорить не просто о критическом отношении к конкретным лицам, идущим во власть, но о неприятии современной процедуры выборов в целом.

Пора поставить вопрос: сложилось ли в Перми автономное политическое поле¹⁰ или мы имеем дело с властной системой, управляющей населением при помощи современных и традиционных технологий? Отвечая на этот вопрос, мы вынуждены по-прежнему выбирать второй вариант ответа. Слабость городских сообществ, в том числе и предпринимательского¹¹, приводит к доминированию властного аппарата во всех сферах общественной жизни. Преждевременно говорить и о реальном делегировании гражданами властных полномочий представительным учреждениям и институтам, и о свободной игре политических сил. По мнению сторонних экспертов, уже «к 1998 г. политический рынок города был монополизирован» [Рыженков 2004, с. 154]. Депутатский корпус формируется под контролем и при непосредственном участии исполнительной власти. «Решение баллотироваться во второй раз зрело во мне довольно долго, – рассказывал журналисту влиятельный депутат Законодательного собрания. – Много общался на эту тему с Юрием Трутневым, который в ту пору был уже губернатором. Он убеждал, что идти в политику надо. Я недоумевал: зачем мне это надо? Но Юрий Петрович умеет убеждать. Я все же пошел и прошел» [Плотников 2005].

В докладе «Паспорт региона: Пермский край», подготовленном экспертами портала «УралПолит.Ру» в 2008 г., подчеркивается, что «...подобная система “прохождения согласованных кандидатур в региональный парламент была выстроена еще при Юрии Трутневе, и никто случайно законодателем стать не мог”» [Паспорт региона... Вып. 3, 2008]¹².

Такая система доминирования характерна для режима личной власти, первоначально (в 1997–2000 гг.) опробованного в рамках города, а затем и в масштабах всего региона, когда областной центр утратил свою автономность. Снова процитируем доклад: «Главное решение в регионе всегда остается за губернатором “и тут ему не нужна никакая система сдержек и противовесов”» [Там же].

Режим личной власти обладает прочностью, позволившей ему сохранить и даже укрепить свои позиции, несмотря на смену ключевых политических фигур и переход к иному стилю управления.

Сначала в Перми была опробована модель харизматической власти: великий человек, наделенный необыкновенными способностями, влюбленный в него электорат и бюрократическое средостенье между ними. Образ идеального правителя создавала пресса: «Он особо одаренный человек. Его талант – это харизма. А харизма – это буквально, по словарю, талант очаровывать людей. И встречается он

¹⁰ Мы понимаем политику как буферное пространство между властью и обществом, в котором происходит согласование интересов и позиций обеих сторон, а также формируются институциональные основания для реализации властных полномочий (разрабатывается технология этой реализации, определяются ограничения властных полномочий, устанавливается ответственность сторон).

¹¹ Об этом говорит сам предприниматель: «...да нет у нас такого [сообщества]... никаких там форумов предпринимательских...» [Интервью 23])

¹² Слова, напечатанные курсивом, – прямая речь экспертов.

не чаще, чем талант поэта, художника или конструктора космических кораблей» [Колуцинская 2005, с. 6].

Чтобы принять эту модель, нужно было всерьез относиться к дворовым концертам с салютами и живой музыкой, ждать подарков – бесплатных услуг или продуктов, и во всем этом видеть глубокий политический смысл. Окончание подобной избирательной кампании вызывало сожаление, но не порождало ответственности, и люди начинали ждать нового тура.

Однако харизма не передается по наследству. Преемник Юрия Трутнева обладает совершенно иными личностными чертами. «Трутнев – это одно, а Чиркунов – совсем-совсем другое, – предупреждал читателей «Новый компаньон» в первую неделю после смены главы администрации Пермской области. – Чиркунов – это... по большому счету, предприятие. Человек-концерн. Со своей инфраструктурой, отделами продаж, упаковки и маркетинга, исследовательской лабораторией, PR-службой и рынками сбыта. С филиалами в Москве и Швейцарии. С дочерними, пардон, сыновьями компаниями» [Федотова 2004].

Изменился и стиль политической презентации. Ныне действующий губернатор позиционирует себя как эффективного менеджера, но никак не отца народа. Его аудиторию составляют не мужчины и женщины старшего поколения, а новая генерация успешных людей, с которыми он может говорить на привычном ему языке, используя вполне современные средства коммуникации, «Живой журнал», например. Говорить – это еще не значит вступать в диалог, скорее – учить. В одном из своих постов новый губернатор ясно и определенно высказал свое кредо: «Для меня принципиально важно создать механизм подготовки госчиновников среднего эшелона. Сейчас отобрано семь человек – интересные, перспективные ребята. Буду работать с ними раз в неделю, вдавливать в их голову нашу идеологию, помогать организовывать работу по отдельным проектам» [Чиркунов 2009].

«Наша идеология», по Чиркунову, представляет собой смесь экономической рациональности, старого либерализма в духе *laissez faire*, новых концепций менеджмента (управление по проектам) и умеренного этатизма. Принципы управления территориями и предприятиями одни и те же. Хотите жить лучше – больше трудитесь. «Есть учителя, которые работают с утра до ночи, и мне хотелось бы облегчить им жизнь, но есть и те, которые работают минимум и кричат о своей нищенской зарплате. И моя задача сделать так, чтобы именно они, те, кто больше работают, еще больше получали», – пишет Чиркунов в своем ЖЖ [Чиркунов 2008].

Смена патерналистского стиля на менеджерский, естественно, не обходится без потерь в популярности. Новый тип управления не всегда находит понимание в предпринимательской среде. С новым губернатором трудно сотрудничать: «Трутнев более последователен, и он более понятен, т.е. ты понимаешь, что... он тебя круче, но он объясняет, чего он хочет, почему он хочет... Олег Анатольевич... где-то в облаках витает... Может быть, там какие-то мысли есть глобальные, но объяснить с ним, просто даже понять, трудно – он тебе скажет что-нибудь из другой оперы. И тебя не поймет, вот!» [Интервью 24].

Различия между Трутневым и Чиркуновым очевидны, важнее подчеркнуть, что у них общего. Оба последних губернатора принадлежат к одному поколению, оба являются крупными предпринимателями, что, кстати, позволяет им сохра-

нять независимость от больших финансовых групп и национальных корпораций¹³. К тому же они оба вышли из одной коммерческой структуры, тесно связанной с региональным капиталом. Эта структура до сих пор является поставщиком кадров для администрации и правительства края (кроме того, во власть попадают партнеры губернатора по бизнесу, товарищи по университету и комсомолу и приглашенные из Москвы и Екатеринбурга специалисты).

Таким образом, буржуазный вектор политики, проводимой в городе и регионе, определяется личными качествами и жизненным опытом первых лиц: бизнес-культурой, особенностями их социального круга и т. д., но никак не интересов различных городских сообществ. Как это ни парадоксально, но главной социальной опорой нынешней власти являются люди, своим образом жизни, традициями и коллективным опытом отвергающие буржуазность. Их лояльность покупается авторитетом федеральной власти, демонстративными, символическими актами, напоминающими о советском прошлом и, в меньшей степени, патерналистскими культурными инсценировками.

Список интервью, использованных в статье

- Интервью 1. 2007. Жен. 64 года. Пенсионер.
- Интервью 2. 2007. Муж. 35 лет. Юрист.
- Интервью 3. 2007. Жен. 52 года. Врач.
- Интервью 4. 2007. Муж. 38 лет. Инженер.
- Интервью 5. 2007. Жен. 69 лет. Пенсионер.
- Интервью 6. 2005. Жен. 71 год. Пенсионер.
- Интервью 7. 2007. Жен. 73 года. Пенсионер.
- Интервью 8. 2007. Жен. 68 лет. Пенсионер.
- Интервью 9. 2007. Муж. 42 года. Предприниматель.
- Интервью 10. 2007. Муж. 45 лет. Техник.
- Интервью 11. 2007. Муж. 49 лет. Инженер.
- Интервью 12. 2007. Жен. 66 лет. Пенсионер.
- Интервью 13. 2007. Муж. 52 года. Инженер.
- Интервью 14. 2007. Жен. 39 лет. Домохозяйка.
- Интервью 15. 2007. Жен. 76 лет. Пенсионер.
- Интервью 16. 2007. Жен. 32 года. Парикмахер.
- Интервью 17. 2008. Муж. 41 год. Предприниматель.
- Интервью 18. 2008. Жен. 39 лет. Преподаватель.
- Интервью 19. 2008. Муж. 40 лет. Инженер.
- Интервью 20. 2008. Муж. 43 года. Предприниматель.
- Интервью 21. 2008. Муж. 60 лет. Предприниматель.
- Интервью 22. 2008. Муж. 56 лет. Предприниматель.
- Интервью 23. 2008. Муж. 36 лет. Предприниматель.
- Интервью 24. 2007. Муж. 41 год. Предприниматель.

¹³ Эксперты портала «УралПолит.Ru» сообщают об Олеге Чиркунове: «Про него не говорят, что он “лукойловец” или “газпромовец”, он смог дистанцироваться, он не смотрится как чей-то ставленник» [Паспорт региона... Вып. 10, 2008].

Литература

- Богатырь Илья и злой хан Анох-паша. Былина для взрослых. Пермь, 2003.
- Вайль П. Гений места. М.: Изд-во «Независимая газета», 1999.
- Иванов С. Интервью. Никита Белых: «Не боюсь быть непопулярным» // Звезда. 2004. 27 июля: <http://www.nevod.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2004-07-27/0>.
- Кимерлинг А. Мифологизация политики в переходную культурную эпоху // Переходные периоды в смене культурных эпох. Пермь: ПГТУ, 2001.
- Колущинская И. Как нам с управлением управиться? // Местное время. 2005. № 25.
- Миллс Ч. Властвующая элита. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
- Паспорт региона: Пермский край. Выпуск 10. 14 Ноября 2008. Экспертный канал «Урал-Полит.Ru»: http://www.fedpress.ru/59/polit/vlast/id_120809.html
- Паспорт региона: Пермский край. Выпуск 3. 5 Ноября 2008. Экспертный канал «Урал-Полит.Ru»: http://fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_119743.html.
- Плотников Е. Интервью. Кто вы, Юрий Борисовец? // Звезда. 2005. 13 мая: <http://www.nevod.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2005-05-13/2>
- Рыженков С.И. Борисова Н.В. Пермь: квазиавтономия (аннотация к исследованию) // Панорама исследований политики Прикамья. Пермь, 2004.
- Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2002.
- Федотова С. «Чиркунов – лимитед» // Новый компаньон. 2004. № 10. 23 марта: http://www.nk.perm.ru/index.php?newspaper_id=526
- ЦИК РФ: <http://www.permkrai.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>, http://www.cikrf.ru/arhivfci/59/59_index.jsp
- Чиркунов О. Блог губернатора Пермского края. И снова про зарплаты педагогов. 2008. 12 декабря: <http://chirkunov.livejournal.com/41985.html>
- Чиркунов О. Блог губернатора Пермского края. Кадровый день. 2009. 13 Января: <http://chirkunov.livejournal.com/52194.html>
- Dahl R. Who governs? Democracy and Power in an American City. New-Haven: Yale University press, 1961.